

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.В. Левитов

Введение в христианское Нравственное Богословие

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1909. № 2. С. 279-292.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Введение въ христіанское Нравственное Богословіе *).

III.

Отношеніе Нравственнаго Богословія къ Богословію Догматическому.

СУЩЕСТВУЕТЪ мнѣніе, по которому Нравственное Богословіе является наукой, совершенно независимой отъ Богословія Догматическаго. Мнѣніе это, очевидно, основывается на отрицаніи какой бы то ни было связи между христіанскимъ вѣроученіемъ и христіанскою моралью. Догматы суть истины теоретическаго, отвлеченнаго характера, не имѣющія никакого отношенія къ жизни и значенія для нея. Не все ли равно, говорятъ иногда, для нашего поведенія: будемъ ли мы представлять Бога единоличнымъ или трехличнымъ, станемъ ли считать Христа Богомъ или человѣкомъ, признавать въ немъ одну или двѣ воли. Можно исповѣдывать цѣликомъ всѣ христіанскіе догматы и быть злымъ человѣко-ненавистникомъ, безнравственнымъ и жестокимъ, и можно, наоборотъ, отрицая ихъ, руководствоваться въ жизни духомъ Евангелія. Таковъ, на примѣръ, Левъ Толстой по высотѣ своей жизни и нравственныхъ воззрѣній несравнимо превосходящій большинство православныхъ членовъ церкви.

Разсматриваемый взглядъ, очевидно, отрицаетъ всякую связь между теоріей и практикой, убѣжденіями и жизнью. А между тѣмъ это отрицаніе рѣшительно противорѣчитъ показаніямъ нашего внутренняго опыта. Фихте Младшій, какъ то выразился: каковъ человѣкъ, такова и его философія. Признавая отчасти справедливость этого афоризма, мы съ полнымъ основаніемъ можемъ перефразировать его такъ: человѣкъ стано-

*) Окончаніе. См. январь.

вится такимъ, а не инымъ въ зависимости отъ своей философіи, своего міросозерцанія. Въ моменты выбора и рѣшимости, когда въ глубинахъ нашего сознанія происходитъ борьба мотивовъ, чисто теоретическія представленія о должномъ являются однимъ изъ главнѣйшихъ факторовъ, склоняющихъ вѣсы нашей воли въ ту или иную сторону. Мы стараемся поступать и большею частію поступаемъ сообразно съ извѣстными идеями и принципами, хотя, несомнѣнно, и самые эти принципы создаются не безъ вліянія волевой и эмоціональной стороны нашего существа. Между отдѣльными элементами нашей психики, различными ея сторонами происходитъ обоюдное вліяніе другъ на друга: эмоціи извѣстнымъ образомъ окрашиваютъ идеи, сообщая имъ опредѣленный колоритъ, идеи, въ свою очередь, вызываютъ сердечныя движенія и даютъ импульсы для практической дѣятельности.

Но если вообще жизнь зависитъ отъ извѣстныхъ теоретическихъ началъ, то, несомнѣнно, и этика христіанская опредѣляется догматикой, иными словами, совокупностью принциповъ христіанскаго вѣроученія. Эти принципы далеко не такъ абстрактны, какъ это иногда кажется. Чтобы убѣдиться въ этомъ, вникнемъ въ содержаніе нѣкоторыхъ, хотя важнѣйшихъ догматовъ вѣры въ ихъ отношеніи къ нравственной жизни.

Обратимся прежде всего къ религіознымъ представленіямъ Божества. Далеко не безразлично для нашего поведенія, станемъ ли мы считать Бога грознымъ властолюбивымъ деспотомъ, способнымъ упиваться человѣческою кровію и наслаждаться человѣческими страданіями, или же источникомъ совершенства и любви; будемъ ли мыслить Его преимущественно со стороны могущества и правосудія или же со стороны милосердія. Вѣдь Богъ—это образецъ совершенства, которому слѣдуетъ подражать и уподобляться, идеаль освѣщающій путь жизни. Человѣкъ естественно самъ старается и хочетъ быть такимъ, каковымъ онъ представляетъ Бога. Восточные языческіе народы, мыслившіе Его въ образѣ кровожаднаго властелина, вслѣдствіе этого не считали кровожадность и жестокость зломъ, культивировали въ себѣ самихъ и своихъ дѣтяхъ эти свойства, подавляли начала и настроенія противоположнаго характера. Въ этомъ находятъ себѣ объясненіе человѣческія жертвоприношенія, дикія проявленія аскетизма, самоистязанія и проч. Еврейскій народъ мыслить Бога преимущественно со стороны Его могущества и правосудія. Отсюда и еврейская мораль но-

силь формально-юридическій характеръ: заповѣдь о любви была понята іудеями въ смыслѣ требованія лишь справедливости: око за око, зубъ за зубъ. Съ другой стороны, выдвинутая на первый планъ идея о могуществѣ и правосудіи грознаго Бога-карателя налагала на всю жизнь древняго еврея тяжелый отпечатокъ. Вѣтхозавѣтный человѣкъ, изнемогая подъ ярмомъ закона, чувствовалъ себя рабомъ, а не сыномъ, плѣнникомъ, а не свободнымъ. Христіанское представленіе о Богѣ, какъ источникъ любви и милосердія, выдвигаетъ эти начала въ качествѣ верховнаго принципа нравственно-практической жизни. Отсюда христіанинъ старается угождать Богу преимущественно дѣлами любви и милосердія.

Подобное же значеніе для нравственности имѣютъ и другія истины вѣры, хотя значеніе это и не всегда для насъ очевидно. Такъ, напримѣръ, христіанскій догматъ о грѣхопадении обуславливаетъ собою нашъ взглядъ на природу человѣка и цѣнность ея естественныхъ влеченій. А связь антропологии съ моралью и зависимость послѣдней отъ первой доселѣ еще не оспаривались никѣмъ. Если человѣческая природа совершенна, то всѣ ея потребности одинаково законны, имѣютъ равное право на существованіе и удовлетвореніе. На этой точкѣ зрѣнія стояла мораль древнихъ грековъ, у которыхъ, можно сказать, существовала культъ природы и человѣческаго тѣла. Личное и природное, духовное и матеріальное были въ ихъ глазахъ равноцѣнными. Отсюда эстетическій натурализмъ въ религіи и во всемъ міросозерцаніи греческаго народа. И въ настоящее время такъ называемые «неохристіане», исходя изъ мысли о совершенствѣ цѣльнаго естественнаго человѣка, требуютъ одинаковыхъ правъ для плоти и духа, осуждаютъ историческое церковное христіанство, какъ религію креста и самоотверженія—по ихъ взгляду—мрака и смерти, говорятъ о св. плоти, святомъ сладострастіи и т. д. Если существо человѣка не заражено ядомъ грѣха, то нѣтъ основаній для борьбы съ собою, самоограниченій, предпочтенія однихъ потребностей предъ другими. Все въ человѣкѣ естественно; а потому чисто и свято, все должно существовать уже вслѣдствіе одного того, что оно существуетъ. Наоборотъ, если мы считаемъ природу человѣка испорченной и растлѣнной, то далеко не всѣ ея потребности нравственно цѣнны и заслуживаютъ удовлетворенія. Отсюда возникаетъ задача человѣка бороться съ самимъ собою и улучшать свою природу, отсюда же сознаніе необходимости

не всегда внимать ея голосу и на нее полагаться, а провѣрять ея влеченія и постулаты сопоставленіемъ ихъ съ свидѣтельствами разума и религіи.

Правда, существуютъ такіе догматы, которые, повидимому, не имѣютъ никакого отношенія къ жизни и не могутъ оказывать вліянія на нравственность. Таковъ, напримѣръ, хотя бы догматъ о двухъ воляхъ въ Иисусѣ Христѣ. Не все ли, повидимому, равно: думать ли по этому вопросу такъ или иначе, православно или еретически. Можно вѣдь, и признавая единую волю во Христѣ, бояться Бога, любить ближнихъ и вообще вести добродѣтельную жизнь.

Это было бы такъ лишь въ томъ случаѣ, если бы частные христіанскіе догматы существовали изолированно, внѣ связи со всею системою христіанскаго вѣроученія. Но въ дѣйствительности вся ихъ совокупность представляетъ изъ себя стройное зданіе, въ которомъ отдѣльныя части находятся во внутренней связи и зависимости. Отвергнуть *сознательно* какой-нибудь частный членъ христіанской вѣры — значить вынуть кирпичъ изъ фундамента христіанскаго міросозерцанія и разрушить его цѣлостность. Обращаясь въ частности къ догмату о двухъ воляхъ во Христѣ, мы должны сказать, что его отрицаніе можетъ происходить лишь на почвѣ сомнѣнія въ дѣйствительности челоуѣчества Христа, слѣдствіемъ чего должно явиться отверженіе боговоплощенія и искупленія, то есть, коренное разрушеніе всего христіанства со всѣми свѣтлыми чаяніями и благословеніями.

Но устанавливая тѣсную связь нравственнаго богословія съ богословіемъ догматическимъ, мы не можемъ согласиться и съ тѣмъ взглядомъ, по которому христіанская этика, не имѣя значенія самостоятельной науки, является лишь оборотной стороною догматики. Въ прежнее время въ русскихъ догматическихъ системахъ за изложеніемъ и обоснованіемъ каждаго члена вѣры слѣдовало его нравственное приложеніе. Методъ этотъ имѣлъ многія неудобства. Какъ мы уже говорили, тѣсная связь существуетъ лишь между всѣмъ христіанскимъ міросозерцаніемъ и нравоученіемъ, но не между отдѣльными элементами того и другого. Показать, какимъ образомъ изъ каждаго частнаго догмата вытекаетъ извѣстная нравственная истина—не всегда возможно. Попытки во что бы то ни стало и во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ найти такую связь вносятъ въ нашу науку искусственность и заставляютъ

прибѣгать къ натяжкамъ. Затѣмъ, и методы богословія догматическаго и нравственнаго по самому существу изслѣдуемаго предмета и по условіямъ его историческаго раскрытія, какъ увидимъ ниже, настолько различны между собою, что не могутъ свободно совмѣщаться въ предѣлахъ одной и той же дисциплины. Наконецъ, христіанская этика, особенно въ первой своей части, занимается разрѣшеніемъ такихъ общихъ вопросовъ, отвѣтъ на которые требуетъ пользованія чисто свѣтскими психологическими способами изслѣдованія, едва ли умѣстными въ догматическомъ богословіи съ его строго положительнымъ церковнымъ характеромъ.

IV.

Отношеніе Нравственнаго Богословія къ другимъ богословскимъ наукамъ.

Одни богословскія науки служатъ основаніемъ для нравственнаго богословія и даютъ для него матеріаль, другія на немъ основываются и почерпаютъ изъ него свое содержаніе. Къ первой группѣ принадлежатъ: 1) изъясненіе св. писанія, въ которомъ излагается мораль христіанская; 2) церковная исторія, изъ которой мы узнаемъ, въ какомъ смыслѣ тѣ или иные нравственные вопросы разрѣшались церковью и какое поведеніе христіанъ признавалось ею заслуживающимъ одобренія; 3) основное богословіе, оправдывающее предъ судомъ разума тѣ предпосылки, которыя принимаются на вѣру во всѣхъ богословскихъ наукахъ; 4) догматика, указывающая религіозно-теоретическія основы нравоученія. Ко второй группѣ относятся: 1) литургика, поскольку богослуженіе заключаетъ въ себѣ нравственный элементъ и вдохновляется нравственными началами; 2) каноническое право, являющееся, какъ и всякое право, минимальнымъ, юридически обязательнымъ приложеніемъ къ жизни нравственныхъ нормъ; 3) гомилетика, указывающая, какъ долженъ раскрывать проповѣдникъ нравственные истины и какъ учить другихъ осуществлять ихъ въ жизни; 4) пастырское богословіе, рисующее идеаль пастыря, который прежде всего долженъ быть человѣкомъ - христіаниномъ, исполняющимъ всѣ тѣ обязанности, о которыхъ трактуетъ нравственное богословіе.

Впрочемъ, литургика и каноника, основываясь сами на нравственномъ богословіи, въ нѣкоторой степени могутъ быть

признаны источникомъ для него. Это потому, что въ богослужебныхъ книгахъ и канонахъ находятъ свое выраженіе нравственные идеалы церкви. Отсюда при рѣшеніи того или иного вопроса, по которому опредѣленно церковь никогда не высказывалась, намъ, чтобы узнать точку зрѣнія, не остается другого способа, какъ обратиться къ ея законодательству и церковно-богослужебной практикѣ. Здѣсь мы находимъ обильный матеріалъ, помогающій намъ уяснить взгляды церкви на природу человѣка, отношеніе между ея различными сторонами, на грѣховность похоти плоти, цѣнность аскетизма, значеніе молитвы и т. п.

V.

Значеніе для Нравственнаго Богословія наукъ свѣтскихъ.

Многія изъ свѣтскихъ наукъ имѣютъ немаловажное значеніе для нравственнаго богословія. Такъ логика указываетъ тѣ общеобязательные приемы мысли, которыми слѣдуетъ руководствоваться при рѣшеніи моральныхъ вопросовъ. Психологія знакомитъ насъ съ природой человѣка, знаніе которой необходимо для правильной постановки и тѣмъ болѣе разрѣшенія этическихъ проблемъ. Нравственность прежде всего дана намъ какъ психологическій фактъ, какъ потребность нашей души. Для того чтобы понять эту потребность, выяснить ея внутренніе основы и корни, отношеніе къ другимъ душевнымъ способностямъ и силамъ — необходимо знаніе той общей почвы, на которой она возникаетъ, то есть, природы человѣка. Но нравственность представляетъ собою не только психологическую потребность, а историческую дѣйствительность. Она существовала всегда, у всѣхъ народовъ, измѣняя лишь свои формы въ зависимости отъ разнообразныхъ условій жизни. Отсюда открывается значеніе для нравственнаго богословія исторіи, какъ науки, показывающей преломленіе и видоизмѣненія нравственной идеи въ прошлой жизни человѣчества. Исторія сообщаетъ намъ, какъ люди понимали добро и зло въ различныя эпохи своей жизни, даетъ матеріалъ для убѣжденія во всеобщности и необходимости нравственнаго закона, показываетъ, какими результатами сопровождалось примѣненіе къ жизни тѣхъ или иныхъ началъ, помогаетъ намъ вскрыть устойчивое и неизмѣнное въ человѣческой совѣсти и т. д. Художественная литература, будучи однимъ изъ важнѣйшихъ

источниковъ психологіи, такое же значеніе имѣеть и для нашей науки. Она рисуеть намъ картину жизни человѣка, открывасть нѣдра его души, показываеть, какъ происходятъ процессы моральнаго возрожденія и паденія, какіе факторы, обстоятельства и условія такъ или иначе вліяють на нравственную жизнь, чего хочеть и чего не хочеть человѣческая природа. При разрѣшеніи нѣкоторыхъ запутанныхъ вопросовъ совѣсти, экскурсія въ область изящной литературы могутъ оказать намъ незамѣнимую услугу. Такъ, напримѣръ, на чисто теоретической почвѣ въ высшей степени трудно разрѣшить вопросъ о томъ, можетъ ли хорошая цѣль освятить дурное средство, можетъ ли быть допущено убійство человѣка для блага другихъ людей. Въ такихъ случаяхъ нашъ умъ раздваиваеться, не зная, въ какую сторону ему склониться. Разсудокъ скорѣе, пожалуй, можетъ прійти къ положительному рѣшенію этого вопроса. Отъ убійства безполезнаго и даже вреднаго члена общества, во-первыхъ, уничтожится то зло, которое онъ могъ бы сдѣлать, и, во вторыхъ, увеличится благосостояніе другихъ лицъ на тѣ средства, которыя отъ него останутся. Слѣдовательно, въ результатъ этого преступленія увеличится сумма общечеловѣческаго счастья и уменьшится количество зла и страданій. Отсюда можетъ возникнуть мысль о законности такого рода убійства, какъ она возникла у Раскольникова. Но Достоевскій въ своемъ романѣ «Преступленіе и Наказаніе» показываеть всю безнравственность подобной мысли, показываеть не путемъ строго логическихъ доказательствъ, а тѣмъ, что рисуеть психологическую картину состоянія души преступника въ моментъ убійства и послѣ него, и, кажется, достигаетъ своей цѣли. Прочитавши романъ Достоевскаго, всякій почувствуеть, что дѣйствительно, ни одинъ человѣкъ не имѣеть нравственнаго права проливать кровь другого человѣка, какія бы ни преслѣдовались при этомъ цѣли.

VI.

Отношеніе Нравственнаго Богословія къ нравственной философіи.

Изъ свѣтскихъ наукъ ближе всего къ нравственному богословію стоитъ нравственная философія. Обѣ эти науки рѣшаютъ одни и тѣ же вопросы: о сущности нравственнаго добра, нравственномъ законѣ и нравственной жизни человѣка. Раз-

личіе между той и другой заключается не въ предметѣ, а въ постановкѣ вопросовъ и методахъ изслѣдованія истины. 1) Для нравственной философіи истина, по крайней мѣрѣ въ началѣ науки, есть нѣчто искомое,—иксъ, который требуется найти и доказать. Для нравственнаго богословія она въ общихъ и основныхъ чертахъ есть нѣчто данное въ словѣ Божиѣмъ. Задача науки заключается не въ томъ, что бы найти эту истину, а лишь въ томъ, чтобы понять ее, уяснить, раскрыть всѣ ея стороны и слѣдствія, показать ея согласіе съ требованіями человѣческаго сознанія.

2) Въ нравственной философіи нѣтъ иныхъ предпосылокъ, принимаемыхъ на вѣру, кромѣ общаго и необходимаго для вѣры въ возможность всякаго знанія, убѣжденія въ объективной значимости логическихъ законовъ, категорій человѣческаго разсудка, математическихъ аксіомъ и другихъ основныхъ постулатовъ человѣческой природы. Наоборотъ, въ нравственномъ богословіи мы имѣемъ, кромѣ того, предпосылки религіозно-догматическаго характера, каковы: вѣра въ истинность христіанства, въ богодуховность священныхъ книгъ и въ авторитетъ церкви.

3) Вслѣдствіе обѣихъ указанныхъ причинъ методъ нравственнаго богословія болѣе догматическій сравнительно съ методомъ нравственной философіи и болѣе дедуктивный. Вторая наука идетъ отъ периферіи къ центру, отъ изученія человѣческой природы къ выясненію сущности нравственнаго добра, первая въ нѣкоторой мѣрѣ отъ центра къ периферіи. Принимая евангельскій нравственный законъ, какъ нѣчто несомнѣно данное и абсолютно истинное, она путемъ психологическаго изслѣдованія натурального человѣка пытается лишь уяснить его соотвѣтствіе съ основными запросами нашей природы. Впрочемъ, какъ увидимъ ниже, догматическій элементъ имѣетъ въ нравственномъ богословіи меньше значенія, а антропологическій и философскій больше, чѣмъ въ другихъ богословскихъ наукахъ.

4) Наконечъ, различіе между нравственной философіей и нравственнымъ богословіемъ заключается въ томъ, что первая вращается преимущественно въ области общихъ вопросовъ, а вторая значительную долю вниманія удѣляетъ изложенію частныхъ обязанностей христіанина.

VII.

Методъ Нравственнаго Богословія.

Методъ нравственнаго богословія въ значительной мѣрѣ отличается отъ метода Богословія Догматическаго и приближается къ методу наукъ антропологическихъ и философскихъ. Причины этого заключаются въ слѣдующемъ.

Въ эпоху вселенскихъ соборовъ, когда раскрывались основы христіанской вѣры, главное вниманіе отпевъ и учителей церкви было обращено на рѣшеніе догматическихъ вопросовъ. Проблемы морали не были разработаны церковью и не получили въ ней точной формулировки. Въ то время какъ по каждому почти догматическому вопросу существуетъ опредѣленное церковное ученіе, по вопросамъ, касающимся христіанской нравственности, могутъ быть составляемы лишь частныя богословскія мнѣнія. Ни въ одной символической книгѣ православной церкви нельзя найти *прямого* указанія на то, что составляетъ психологическое содержаніе, объективную цѣль и метафизическую основу нравственности, каковы условія вмѣненія, возможны ли безразличныя дѣйствія, какъ слѣдуетъ поступать при столкновеніи обязанностей, какой изъ формъ благотворительности слѣдуетъ отдать предпочтеніе: общественной или частной и т. п. Рѣшать всѣ эти вопросы Нравственное Богословіе должно самостоятельно, непосредственно на основаніи Слова Божія. Но для успѣшнаго выполненія этой задачи, для того, чтобы сдѣлать изъ св. Писанія правильные выводы въ приложеніи къ безконечно сложнымъ и переплетающимся нитямъ дѣйствительной моральной жизни, необходимо руководство общефилософскихъ, психологическихъ и научныхъ соображеній. Вслѣдствіе этого методъ Нравственнаго Богословія не можетъ быть такимъ прямолинейно-дедуктивнымъ, какъ методъ догматики. Въ послѣдней церковное ученіе дается, какъ нѣчто готовое. Задача науки заключается лишь въ томъ, чтобы уяснить его и подтвердить текстами св. Писанія. Въ Нравственномъ Богословіи на основаніи послѣднихъ нужно только найти, какъ слѣдуетъ думать по тому или другому вопросу.

Большая свобода разума въ рѣшеніи нравственныхъ вопросовъ сравнительно съ вопросами догматическими обуславливается и самою природою тѣхъ и другихъ. Догматика имѣетъ дѣло съ премірнымъ Божественнымъ Существомъ, жизнь ко-

тогого превышаетъ силы человѣческаго разсудка. Богъ «живетъ въ свѣтѣ непреступномъ», то есть, въ такой области бытія, которая недоступна для нашей мысли и въ приложеніи къ которой теряютъ свое значеніе наши логическіе критеріи. Отсюда, при столкновеніи съ тайнами вѣры, мы не имѣемъ права отвергать ихъ лишь на томъ основаніи, что онѣ не вмѣщаются въ рамки нашего пониманія. Авторитетъ нашего мышленія относительный и условный; его компетенція простирается лишь на эмпирической міръ ограниченныхъ существъ. Въ иныхъ высшихъ, непостижимыхъ для насъ сферахъ, а тѣмъ болѣе въ существѣ абсолютномъ, возможно нѣчто такое, что въ безконечно большее число разъ превосходитъ наше мышленіе, чѣмъ насколько послѣднее превышаетъ матеріальную природу. И вотъ съ этой-то сверхчеловѣческой точки зрѣнія можетъ быть признано разумнымъ и истиннымъ то, что намъ, ограниченнымъ и несовершеннымъ существамъ не кажется таковымъ. Такъ, напримѣръ, мы не имѣемъ права отвергать догматъ о троичности лицъ на томъ лишь основаніи, что онъ не можетъ быть понятъ нами, а должны признать его сверхразумнымъ, превосходящимъ силы нашего интеллекта.

Въ иномъ положеніи находятся вопросы христіанской этики. Хотя рѣшеніе ихъ и должно происходить при свѣтѣ Божественнаго откровенія, но, тѣмъ не менѣе, они касаются ограниченной человѣческой природы и человѣческихъ отношеній. Существуетъ ли въ человѣкѣ нравственный законъ, запечатлѣнъ ли онъ свойствами всеобщности и необходимости, что такое совѣсть, при какихъ условіяхъ развивается грѣхъ, какъ порокъ переходитъ въ порочное состояніе, каковы правила вмѣненія, въ какихъ формахъ исторически проявлялся и проявляется антиномизмъ, какое значеніе для человѣческаго поведения имѣетъ конкретный образецъ добродѣтели, какъ должно происходить воспитаніе человѣческой воли, какую цѣнность имѣетъ патріотизмъ, каковы должны быть отношенія между членами семьи и общества—все это такіе вопросы, въ рѣшеніи которыхъ человѣческій разумъ вполне компетентенъ.

Наконецъ, внесеніе рациональнаго элемента и научныхъ приѣмовъ изслѣдованія въ область христіанской этики не можетъ представлять какихъ бы то ни было неудобствъ и опасностей. Высота и чистота христіанской морали, ея соотвѣтствіе основнымъ постулатамъ человѣческой природы, ея благотворное вліяніе на жизнь составляетъ общепризнанный фактъ,

не отвергаемый даже врагами христіанской догмы. Философскія соображенія, экскурсіи въ область антропологии, психологии, исторіи и литературы должны лишь еще болѣе убѣдить насъ въ превосходствѣ евангельской морали предъ всѣми естественными ученіями о нравственности. И дѣйствительно, они показываютъ, что ученіе Христа гармонируетъ съ лучшею стороною нашей природы, что выше, чище и святѣе его ничего не можетъ представить себѣ мысль человѣка, что оно даетъ успокоеніе и отраду нашему сердцу, служить единственнымъ залогомъ истиннаго счастья.

VIII.

Важность изученія Нравственнаго Богословія.

Цѣнность науки, по нашему мнѣнію, опредѣляется слѣдующими тремя условіями: 1) она должна удовлетворять человѣческой любознательности, отвѣчать на тѣ вопросы, которые дѣйствительно интересны; 2) она должна развивающимъ образомъ дѣйствовать на умъ съ формальной или идейной стороны, должна расширять кругозоръ человѣческой мысли; 3) она должна имѣть практическое значеніе для жизни. Наука, удовлетворяющая хотя бы одному изъ этихъ условій, имѣетъ право на существованіе и изученіе. Но само собою разумѣется, высшая цѣнность принадлежитъ той дисциплинѣ, которая отвѣчаетъ всѣмъ этимъ требованіямъ.

Нравственное богословіе отвѣчаетъ на вопросъ, какъ долженъ жить человѣкъ сообразно своему человѣческому достоинству и волѣ Божіей. Вопросъ этотъ можетъ казаться неинтереснымъ и неважнымъ лишь для того, кто «добру и злу внимая равнодушно», совершенно отупѣлъ духовно, погасивъ божественную искру въ своей душѣ и погрузившись всецѣло въ животную жизнь. Исторія показываетъ, что мыслящіе люди всегда интересовались этими вопросами, считая ихъ самыми жизненными и самыми важными въ ряду всѣхъ остальныхъ. Древній философъ Сократъ и современный гениальный писатель-моралистъ Л. Толстой сходятся въ признаніи преимущественной, даже исключительной важности этихъ вопросовъ. Дѣйствительно, кто хочетъ жить разумною, сознательною жизнью, тотъ долженъ предварительно уяснить себѣ, что такое добро и зло, какъ относиться къ другимъ людямъ и почему, въ чемъ заключается цѣль жизни и т. д. Рѣшеніе всѣхъ

этихъ вопросовъ съ христіанской точки зрѣнія (не говоря уже о вѣрующемъ, который, конечно, долженъ знать «какъ подobaеть» христіанину «въ дому Божіемъ жити») имѣеть значеніе даже и для невѣрующаго въ виду того всеобщаго уваженія, которымъ пользуется мораль христіанская.

Изученіе нравственнаго богословія, какъ системы идей, расположенныхъ во внутренней логической связи, и какъ науки, пользующейся общепсихологическими и философскими методами, не можетъ не имѣть развивающаго вліянія на человѣческую душу. Вліяніе это, во-первыхъ, теоретическое, на умъ человѣка, и во-вторыхъ, практическое—на всю его природу. Стремленіе проникнуть въ глубины человѣческой природы, вскрыть внутреннія пружины извѣстнаго поведенія, установить связь между различными явленіями моральнаго порядка, распутать сложные и запутанные узлы нравственныхъ отношеній — не можетъ не изощрить и не утончить нашей мысли и не воспитать въ ней силы анализа. Съ другой стороны, устремленіе въ сторону разрѣшенія моральныхъ проблемъ сообщаетъ теченію нашей жизни болѣе духовное, идеальное направленіе, облагораживая и возвышая его. Оно способствуетъ самопознанію, которое является необходимымъ условіемъ и первою ступенью самоусовершенствованія.

Имѣеть ли значеніе этика, какъ наука, при рѣшеніи тѣхъ или другихъ недоумѣній нашей нравственной жизни? На этотъ вопросъ часто отвѣчаютъ отрицательно. Говорятъ, на практикѣ мы руководствуемся не тѣми или иными теоретическими выкладками, а естественнымъ нравственнымъ чувствомъ. Непосредственный, внутренній голосъ совѣсти заставляеть человѣка поступать такъ, а не иначе, а не научное знаніе природы добра и его проявленій.

Это, конечно, справедливо, но лишь отчасти. Само собою разумѣется, что если бы въ человѣкѣ не было естественнаго нравственнаго закона, то напрасны были бы какія бы то ни было теоретическія соображенія и правила хорошаго поведенія. Но все же, и при наличности въ нихъ совѣсти и нравственнаго чувства, научное изслѣдованіе того, что хорошо и что дурно, можетъ оказать намъ значительную услугу. Оно проясняетъ намъ моральный взоръ, открываетъ намъ новыя перспективы въ нравственной сферѣ, дѣлаеть яснымъ то, что прежде казалось смутнымъ, вноситъ свѣтъ въ ранѣ темныя углы нашей психики. Въ моменты выбора и рѣшимости, когда

мы колеблемся, поступить ли намъ такъ или иначе, когда въ душѣ нашей происходитъ борьба различныхъ побужденій, когда она разрывается на части отъ столкновенія разнообразныхъ мотивовъ, этическіе принципы, добытые путемъ мысли, приходятъ на помощь и склоняютъ вѣсы нашей воли въ ту или иную сторону. Внутреннее чувство человѣка не всегда ясно и опредѣленно указываетъ ему, что онъ долженъ дѣлать, и вотъ въ этомъ-то случаѣ этика, какъ наука, имѣетъ огромное значеніе. Наконецъ, она вноситъ въ наше поведеніе элементъ сознательности, показывая, почему мы должны поступать такъ, а не иначе, почему извѣстное поведеніе заслуживаетъ предпочтенія сравнительно съ другимъ. А сознательная добродѣтель, несомнѣнно, имѣетъ высшую цѣнность, чѣмъ бессознательная или полусознательная.

Особенно важнымъ должно быть признано изученіе нравственнаго богословія для христіанина, обязаннаго познавать, что есть «воля Божія благая и совершенная». Какъ ребенокъ долженъ знать, чего требуетъ отъ него отецъ, такъ и человѣкъ обязанъ познавать и изучать законъ Божій. Что нужно дѣлать, чтобы быть угоднымъ Богу и достигнуть спасенія, для рѣшенія этого вопроса нужно вдумываться въ содержаніе заповѣдей божественныхъ, стараться уяснить себѣ ихъ смыслъ, понять, какія обязанности изъ нихъ вытекаютъ въ приложеніи къ многоразличнымъ случаямъ жизни и при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. А достиженію этой цѣли въ значительной степени можетъ содѣйствовать нравственное богословіе.

IX.

Раздѣленіе науки.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію христіанскаго правоученія нравственное богословіе должно дать предварительное понятіе о нравственности вообще, ея сущности, происхожденіи, значеніи въ человѣческой жизни, основаніяхъ и условіяхъ. Этотъ отдѣлъ долженъ составить какъ бы введеніе въ христіанскую этику.

Затѣмъ наша наука въ первой своей части должна установить общіе принципы *христіанскаго* правоученія, тѣ начала, которыя лежатъ въ основѣ всего человѣческаго поведенія, и изъ которыхъ уже сами собою вытекаютъ частныя обя-

занности христіанина. Въ эту же часть должны войти элементы: антропологическій—ознакомленіе съ природой человѣка, по ученію Слова Божія, и критическій, направленный на опроверженіе ложныхъ взглядовъ по общимъ моральнымъ вопросамъ.

Вторая часть нравственнаго богословія должна изложить обязанности христіанина, какъ индивидуума, по отношенію къ Богу, себѣ самому и ближнимъ.

Наконецъ, третья часть должна разрѣшить съ христіанской точки зрѣнія проблемы нравственности общественной, показать, какъ долженъ жить человѣкъ, какъ членъ общества церковнаго и гражданскаго. Здѣсь же должны найти себѣ мѣсто вопросы о сравнительной цѣнности различныхъ формъ общественной и культуры съ точки зрѣнія ихъ отношенія къ возможности осуществленія на землѣ нравственнаго идеала.

П. Левитовъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки